

Звёздная гостиная

СЕГОДНЯШНЯЯ ВСТРЕЧА В «ЗВЕЗДНОЙ ГОСТИНОЙ» – ПОСЛЕДНЕЕ МОЕ ИНТЕРВЬЮ С ЮРИЕМ АЛЕКСЕЕВИЧЕМ, ДАНЬ ПАМЯТИ ПОЭТУ И МУЗЫКАНТУ, НАПИСАВШЕМОУ ВОТ ЭТИ БЕССМЕРТНЫЕ СТРОЧКИ:

*«Понимаешь, это странно,
очень странно,
Но такой уж я законченный
чудак...»*

ВОТ С ЭТОЙ КУЛЬТОВОЙ ПЕСНИ, СТАВШЕЙ ЗНАМЕНЕМ ЦЕЛОГО ПОКОЛЕНИЯ РОМАНТИКОВ, И НАЧАЛСЯ ТОТ РАЗГОВОР С ПОЭТОМ И МУЗЫКАНТОМ.

«Я не знаю ни одной ноты...»

КОРР: Юрий Алексеевич, я уже как-то вам признавалась, что мое поколение 70-х выросло в том числе на ваших песнях. Мальчишки с нашего двора классно, как нам казалось, играли на гитарах, мы, девочки, тоже были довольно музыкальны. Все вечера из нашей подворотни раздавалось: «Ну что, мой друг, не спишь – мешаешь спать Париж», «Горы далекие, горы туманные, горы...». Или «Мой маленький гном, поправь колпачок, беги от людей в свой старенький дом», «Я вовсе не обманщик, я Киплинга солдат» и казавшаяся нам верхом смелости и сексуальной раскрепощенности «Ах, гостиница моя, ты гостиница, на кровать присяду я, ты подвинешься!». Хотя мы пели, конечно, и Окуджаву, и Высоцкого, и я очень любила Новеллу Матвееву. Но вы были вне конкуренции. И особенно ваша «А я еду за туманом». Я и в горы-то стала ходить благодаря этим песням...

КУКИН: Сейчас в подворотнях моих песен не поют, да и никаких песен не поют. Сейчас в подворотнях другим занимаются. Но в чем твой вопрос-то? Почему песен сейчас таких не поют в подворотнях? (смеется).

КОРР: Нет, хотя это тоже вопрос интересный... Я вот о чем: даже по прошествии столетий лет помню наизусть, по крайней мере, два десятка ваших замечательных песен, но вас считают автором только одной. Вот цитирую дословно: «Юрий Кукин – автор культовой песни поколения 60-х «За туманом», которая стала неофициальным гимном туристов и геологов». Не обидно ли считаться «автором одной песни, хоть и культовой», написав при этом больше пяти-сот песен?»

КУКИН: Больше, значительно больше, чем пятьсот! Есть у меня тайна, которую знают многие, и я ее давно открыл общественности: я не знаю ни одной ноты, я не записал в нотах ни одной песни. Ну не знаю их в упор. Один умный человек, композитор, сказал: «Знание нот не решает ничего». И это правда – ведь ноты были придуманы в средневековье. А как играют свои дискисленды афроамериканцы, вольные дети Африки, волею судеб заброшенные в чужие американские края? Дается просто тема, дается тональность, а потом одно слово: «Тутти», что означает «вместе», и вот этот музыкальный фрагмент они играют все вместе как надо. Кто как чувствует, как умеет – идет сплошная импровизация!

Я, кстати, джаз узнал и полюбил раньше, чем любую другую музыку. Я с 14-ти лет играл джаз и музыкой зарабатываю себе на жизнь. Был, между прочим, классным барабанищиком, и меня позвали в любительский, но на самом деле это был хорошо профессиональный джаз-бэнд Петродворцового часового завода. Мы играли на танцах, в ресторанах. И в это же время, примерно с 14-ти лет, я стал писать стихи. Помните, была знаменитая композиция Дюка Эллингтона «Караван»? Музыку мы на слух, конечно, подобрали, а слов не было, никто почему-то не сделал перевода. И тогда я написал свои стихи на «Караван» Дюка Эллингтона. Видимо, так удачно написав, что через неделю во всех ресторанах Ленинграда играли «Караван» Дюка

18 июля ему бы исполнилось 79. Это, конечно, возраст. Возраст прочитывался – прежде всего в облике. И вот уже как-то по-библейски стало светиться облако кудрявых волос, чуть поуже, вроде бы, стали плечи. Но не менялся голос и не подвела память, и накануне своего 79-летия он готовился к очередному концерту. Теперь это будет концерт памяти барда первого призыва, последнего романтика уходящей эпохи Юрия Кукина.

Кукин не дожил до очередного дня рождения десять дней. Умер мгновенно и без боли, как праведник, хотя не раз признавался, что праведником никогда не был. Просто остановилось сердце. Но, может быть, прав был его друг и соратник по бардовскому движению Евгений Клячкин, отозвавшись о Кукине именно так: «Юра – светлейший и

чистейший из нас...» И еще: «Самые поющие, самые греющие, самые любимые песни – это песни Юры».

Мы планировали опубликовать это интервью с автором культовых песен, ставших символом эпохи и частью нас самих, при жизни поэта и музыканта, а получилось так, как получилось... Я не раз встречалась с Юрием Кукиным, не раз бывала на его поразительных концертах. Поразительных потому, что это никогда не была только песня и только музыка – это всегда еще был потрясающе увлекательный диалог с залом: о времени, о жизни, о себе, и, конечно, о друзьях-товарищах. И собеседник Юрий Кукин – легкий, увлекательный, остроумный, но не простой, далеко не простой. Он умел о сложном говорить просто.

«Память, грусть, невозвращённые долги...»

Эллингтона с моими словами. Никому и в голову не приходило, что стихи написал какой-то 14-летний пацан!

Так вот, возвращаясь к вашему вопросу: я в нотах не записал ни одной своей песни! Просто если что-то вдруг приходило в мою голову, начинало там клубиться и жить, я целый день ходил и напевал эти строчки, пока не сложится во что-то. Утром просыпаюсь: ага, помню от начала до конца, – значит, хорошая песня, а если не помнил или смутно помнил слова и мелодию – значит, песня того не стоит! Не стоит того, чтобы она пошла в народ. Я ее просто забывал, как сон. И таких песен у меня забытых – пропасть...

Мне не обидно, что кто-то меня считает «автором одной песни», пусть считают. Не было обидно и за то, что слова песни «За туманом» как только не переиначивали и не переписывали, в силу своего разума и понимания смысла жизни, к примеру: «А я еду, а я еду за деньгами, за туманом едут только дураки». Была и такая интерпретация... Как говорится, за что боролся, на то и напоролся...

Кто был включён в эту жизнь

КОРР: Юрий Алексеевич, а вы за чем ехали? Ведь, насколько помню, вы с отличием закончили Институт физкультуры имени Лесгафта, были тренером по фигурному катанию, и вдруг – какие-то экспедиции, Горная Шория, тайга, комары... Зачем вам вдруг понадобилась вся эта романтика?..

КУКИН: В Горной Шории, кстати, никаких комаров нет, такая там природа, потому что комары очень чувствуют даже самую слабую радиацию, а человек – нет. Работал я опять же в шахте, это не геологоразведочные работы были, а совсем другие. А как получилось – да интересно все было! Лежал я себе на пляжу – лето, льда нет, детей, которых тренировать надо, нет, все поразъезжались. И встречается мне на этом пляже Глеб Горбовский, поэт наш известный. Ну, тогда он был и не настолько известный, а по основной профессии он как раз геофизик, и давай мне расписывать про тайгу,

чистые реки и прочую романтику. Я и поехал сдурить! А он не поехал.

Там была работа в шахтах до седьмого пота, три общежития: мужское мы звали «Лондон», женское «Париж», а совмещенное – «Рио-де-Жанейро». Грязь, пьянка и никакой тебе романтики! Но там я познакомился с очень интересными людьми, которые мне давали читать запрещенные книжки (я же был серый как валенок!), ничего не знал ни про Солженицына, ни толком про Пастернака, – спортсмен, одним словом. А потом – они пели. Пели Окуджаву, пели Визбора, там я впервые услышал песни Галича и своего земляка Городничего... Они оказались, эти геологи-геофизики, такими эрудированными людьми, что я готов был терпеть все неудобства. Геологи тогда были самыми свободными людьми – живут себе в отрыве от цивилизации, никакой цензуры, никакой власти на сотни километров, а порой на тысячи, – говори, пой, думай, говори то, что думаешь, и думай, как говоришь. Те, кто был включен в эту жизнь, меня понимают...

Потом уже были экспедиции на Камчатку, Дальний Восток, Памир. Но никакой тайги нигде не было, потому что вы просто не представляете себе, что такое настоящая тайга – да туда никто не ходит и не ходил, она просто – непроходимая, там человек не пройдет, да и зверь тоже. И еще: я ни одной песни у костра не спел. Никогда!

Все это мифы... И почему песню «А я еду за туманом» считают гимном туристов и геологов, для меня остается тайной. Помните, какие там слова? – «Пусть полным-полно набиты мне в дорогу чемоданы.» Ну где вы видели туриста с набитыми чемоданами?.. Я просто написал эту песню, и все, и она пошла пожаром по стране. Я приехал в Ленинград, а эту песню уже пели всюду. Так получилось. Так получилось и с песней «Париж». Представляешь, она стала победителем конкурса военно-патриотической песни, – почему, до сих пор для меня тоже остается загадкой. Что-то они там напутали...

Так что я не люблю ни туризм, ни общественные движения, я никогда не пел у костра, я не люблю быть в гостях, и у себя никого не люблю принимать, пото-

му что в гостях заставляют петь и есть, а я не люблю есть, не люблю петь в гостях по заказу, я люблю петь только в зал, для людей.

КОРР: Ну, я не очень понимаю, как можно написать все эти песни, не пропитавшись дымом костра... То есть все началось случайно?..

КУКИН: Очень даже можно написать про все. На самом деле это просто. Стихи – это прежде всего мироощущение. Я просто хотел быть – как Визбор – и поэт, и музыкант, и артист, и драматург, и все так просто в его песнях, а хочется петь. Хочется читать стихи. Помните?

Читает стихи:

*Наполним музыкой сердца!
Устроим праздники из буден.
Своих мучителей забудем.
Вот сквер – пройдемся ж до конца.
Какая музыка была, какая музыка
звучала!*

Она совсем не поучала, А лишь тихонечко звала. Звала добро считать добром И хлеб считать благодеяньем, Страданье вылечить страданьем, А душу греть вином или огнем. И светел полуночный зал, Нас гений издали приметил, И, разглядев, кивком отметил, И даль иную показал. Правда, прекрасно?.. Визбор есть Визбор.

Любил комфорт, уединение

КОРР: Кстати, вас сразу же заметили и очень похвалил Булат Шалвович Окуджава. Еще слышала, что вы встречались, и вам пожал руку сам Дюк Эллингтон, а на афише вашего концерта в одном провинциальном городе было написано: «Юрий Кукин, друг Владимира Высоцкого». Это все ведь правда? Не мифы?..

КУКИН: Ну, как сказать?.. И правда, и нет. Окуджава как-то сказал: «Если бы Кукин написал только «Город» (это песня такая), то мог бы больше ничего и не писать вовсе. Уже вошел бы в историю авторской песни». Это к вопросу об авторе одной песни. Дюк Эллингтон мне руку жал или я ему жал – это точно было. В Ленинграде был ресторан «Парус», и мы играли там джаз. И однажды приехал Дюк Эллингтон, и у него был единственный концерт в «Октябрьском», а «Парус» был как раз рядышком. И перед концертом я отдал одному нашему музыканту часы Бурэ, старинные, и говорю: «Беги в БКЗ и подари от нашего имени Дюку!» А надо сказать, что все афроамериканцы были без ума от всякой этой старины, и особенно от часов Бурэ. В общем, через некоторое время весь его оркестр был в полном составе в нашем кафе, – может, они решили, что у нас часов этих море, а может, просто им стало интересно на нас посмотреть.

Мы им сыграли, и они были в восторге, в том числе сыграли «Караван» с песней на мой текст. Дюк был в восторге, руку мне действительно пожал, и даже

обнял и даже, вроде бы, прослезился. Они представления не имели, думать не думали, что в России кто-то вообще знает о джазе, а что его играют... – в общем, они были в полном обалдении!

...Высоцкий меня другом считал, да. А я не смел, я его любил, уважал очень – это правда. Он меня приглашал на все свои спектакли, и я всегда старался приехать, мы много разговаривали, ему нравились мои песни – все так. И что интересно – мы с ним были похожи в молодости даже внешне. Ему как-то, еще до знакомства со мной, показали несколько фотографий, ну, типа психологического теста: кто вам из этих людей нравится? – и в том числе моя фотография была. И он показал на мою фотографию, и сказал: «О! Мне вот этот человек нравится.» Это он сам мне рассказывал. И он очень хотел помочь мне с квартирой, очень почему-то хотел. Мне Миша Шемякин, художник такой есть, рассказывал, что уже в Париже, в свой последний приезд, незадолго до своей смерти, Володя Мише говорил: «Жаль, что я не сумею помочь одному моему другу в Ленинграде получить квартиру.» А у меня тогда не было жилья, я с женой развелся, квартиру оставил, и вот скитался по экспедициям.

Но я никогда нигде не представлялся другом Высоцкого, никогда с ним не выпивал, как положено друзьям, нет на мне такого греха, потому что слишком уважал и любил. Он очень ранимый и трогательный человек был на самом деле. Вот такая история...

КОРР: А что за человек вы, Юрий Алексеевич, что вы любите, например, что не любите?

КУКИН: О, ответ на этот вопрос у меня давно готов! Я всегда на встречах со зрителями говорю так: «Вы знаете, я самый порядочный человек, я никогда не бил женщин по лицу, всегда отдавал долги, никогда не предавал друзей, я почти идеален, и у меня крылья скоро вырастут, уже меж лопатками чешется. Но у меня есть один маленький недостаток – я вру! (Хохочет).

Еще мои недостатки – я не люблю сбираться. Никаких. В том числе даже фестивали авторской песни как-то с годами разлюбил.

КОРР: А почему? В чем причина?

КУКИН: Потому что я люблю одиночество и уединение. Я однажды (никогда этого не забуду) сто метров от палатки до другой палатки, где ждала меня молодая жена, шел два с чем-то часа. Меня чуть не порвали в лохмотья – все просили автографов, все хотели показать свои песни, все хотели со мной выпить и т.д. Если бы я продолжал жить так, как диктует оборотная сторона славы, то я бы уже не жил! А я люблю тихо-тихо приехать в город на концерт, спеть и рассказать, и тихо смыться. Еще не люблю есть в гостях. Приедешь куда-нибудь, собирают какой-то колоссальный стол, огромное количество еды и питья, как будто бы я какой-то Гаргантюа, начинаю угощать и кормить – все от души, конечно! Я ем только вечером, один раз, а на фестивале и перед концертом не ем вовсе. Я, как зеленый лист, питаюсь только светом!..

КОРР: А как вы к возрасту относитесь? Может быть, дело в возрасте? Груз прожитых лет давит?

КУКИН: Ничего на меня не давит, говорю же – я всегда любил комфорт и уединение, а жил точно наоборот. А к годам как относиться? У меня есть стихи про возраст, и там есть такие строки: «Пятьдесят – это так же, как двадцать, ну а семьдесят – так же, как десять»... Жизнь – это такой бег на дистанции, где побеждает тот, кто приходит последним...

А еще у Юрия Кукина есть такие строки: «Я – заснувший пассажир, поезд – жизнь». Этот поезд на самом деле был так населен! Добрый Волшебник, Солдат Киплинга, Старый Сказочник, Клоун и Канатоходец и Маленький Гном. Пассажир Юрий Кукин вышел на какой-то не известной нам станции, а все придуманные им герои остались с нами. Ждать новых романтиков другой эпохи.

Татьяна ТРУБАЧЕВА
Фото Антона ЛЯПИНА